

СЕРИЯ «СОВРЕМЕННОЕ БОГОСЛОВИЕ»

Ганс Урс фон Бальтазар

Данте

ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию	vii
Глава 1. Непроторенные пути	3
Глава 2. <i>Eros</i> и <i>Agape</i> , или кто такая Беатриче?	31
Глава 3. Чистилище. Покаяние и вдохновение.....	54
Глава 4. Рай. Античный и христианский космос	67
Глава 5. Ад. Межвременье.....	89
Глава 6. Вечно-женственное.....	109

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

В 2021 году мир отметил 700-летие со дня кончины Данте Алигьери (1265–1321) – великого итальянского поэта, мыслителя, богослова, политического деятеля, одного из основоположников литературного итальянского языка, оказавшего влияние на сложение итальянской и мировой литературы, а также на развитие европейской культуры в целом. Творческое наследие Данте включает в себя повесть «Новая жизнь», политический трактат «О монархии», философский трактат «Пир» и поэму «Божественная комедия»¹, по праву считающуюся венцом его литературного творчества.

Творения Данте и его личность привлекали внимание уже при жизни поэта, хотя своими современниками он не был до конца понят и даже испытывал гонения. Масштаб его фигуры был оценен лишь последующими поколениями. До сего дня творчество и судьба великого итальянца не перестают волновать умы, многие люди продолжают разгадывать его загадки, исследовать его миры, анализировать созданные им образы, вслушиваться в звук его речи. Данте представляет большой интерес для самых

---

¹ Изначально произведение было названо автором «Комедия», и лишь позже она получила эпитет «Божественная» (итал. *La Divina Commedia*).

разных мыслителей, причем не только литературоведов и историков, но и богословов. Один из них – Ганс Урс фон Бальтазар. Несколько глав о Данте он включил в свой фундаментальный труд «Богословская эстетика»². Но эти главы могут читаться и как самостоятельный очерк о Данте, в котором швейцарский богослов находит те темы, которые он разрабатывает в своих трудах, – это краеугольные камни бытия: любовь, красота, слава и т.д. Будучи весьма оригинальным мыслителем, Бальтазар находит новые ключи к прочтению Данте, высказывает неожиданные суждения, порой вступая в полемику с традиционными толкованиями произведений великого итальянца.

Данте творил в переломное время, на исходе Средневековья, в период, который в Италии именуется треченто³, а в науке получил название Предвозрождение, так как стал фундаментом для эпохи Возрождения, когда итальянская культура достигла невероятного расцвета, повернув всю европейскую культуру в новое русло. Значение Данте для этого поворота трудно переоценить, хотя многие исследователи считают, что он скорее завершил собой Средневековье, создав своего рода поэтическую «Сумму теологии». Насколько Данте принадлежит Средним векам и насколько в нем уже видны ростки Ренессанса, долго еще будут спорить исследователи, тем более что многослойный образный космос итальянского поэта дает для этого широкий простор. «Сам Данте воспринимал свой труд как неотделимый от его уникальной божественной миссии и жизни, возвышающейся, как памятник или изваяние для потомков, как прорыв в новое, неисследованное», – пи-

² Ганс Урс фон Бальтазар, *Слава Господа. Богословская эстетика. Т. II: Сферы стилей. Ч. 2: Мирянские стили*, М.: ББИ, 2022.

³ Треченто – трехсотые годы, XIV век.

шет Бальтазар.

Для русского читателя чтение Данте – непростая задача, поскольку помимо проблемы перевода⁴, особого исторического и культурного контекста, отличного от российского, существует также проблема интерпретаций, которые зависят не только от текста, но и от угла зрения, под которым рассматривает его исследователь. Естественно, филолог будет смотреть с одного ракурса, историк – с другого, богослов – с третьего. Благо граней у Данте множество, как у драгоценного кристалла. Именно это имел в виду О. Э. Мандельштам, написавший о «Божественной комедии»: «Она есть строжайшее стереометрическое тело, одно сплошное развитие кристаллографической темы. Немыслимо объять глазом или наглядно себе вообразить этот чудовищный по своей правильности тринадцатитысячегранник»⁵.

Эту многогранность и синтетичность в Данте подмечает и Бальтазар:

Данте и есть этот синтез: схоластики и мистики, античности и христианства, сакральной идеи царства и францисканской церкви духа, и, что еще более удивительно – мира придворных миннезингеров и бесконечно далекого от него мира схо-

---

⁴ Данте начали переводить в России во второй половине XIX – начале XX века, но переводы Д. Е. Мина, Д. Д. Минаева, О. Н. Чюминой и др. были далеки или относительно далеки от подлинного содержания и сложной стилистики оригинала. Равноценный подлиннику перевод творения Данте на русский язык был осуществлен только в советское время М. Л. Лозинским. Этот перевод считается выдающимся явлением в истории русской поэзии, не случайно за свои переводческие труды Лозинский был удостоен в 1946 году Сталинской премии. В конце XX века появилось еще несколько русских переводов «Божественной комедии», в том числе переводы А. А. Илюшина и В. Г. Маранцмана. В настоящее время переводом Данте занимается О. А. Седакова.

⁵ О. Э. Мандельштам, «Разговор о Данте», в кн.: О. Э. Мандельштам, *Слово и культура*, М.: Советский писатель, 1987, с. 120.

ластического знания; он в некотором роде встраивается в ряд средневековых кафедральных соборов, где в последний раз этика гармонично уживается с эстетикой, где обе взаимно поддерживают и усиливают друг друга. Но, с какой стороны мы бы ни рассматривали произведенный Данте синтез, всегда остается нечто «сверх того», нечто, не поддающееся суммированию.

Действительно, Данте вобрал в себя все то, чем была богата культура его времени, то, что было в традиции предшествующих веков, вплоть до античности, и даже заглянул в будущее. При этом он неизменно оказывался притягательным для людей других эпох, так непохожих на треченто. Бальтазар убежден, что творения Данте актуальны для нашего времени. Это, по его мнению, проявилось в творческом самосознании Данте, невероятно личностном отношении ко всему, что он описывает, в понимании своего призвания. «Данте хочет быть не ремесленником, а законодателем живой культуры, каким был Вергилий для древнего Рима». Для этого он и пишет на народном языке, а не на латыни, языке схоластики, и хотя он использует традиционные образы, мыслит он свободно и самостоятельно. Так же и в отношении истории: «Данте собирается не писать историю, древнюю или современную, а оставить свой след в истории настоящей и будущей с высоты человека, сделавшего исторический выбор», – отмечает Бальтазар.

Еще одна очень важная черта творчества Данте – это обращение к мирскому, что «означает отказ от схолистического исследования сущностей в пользу размышлений о реальности и условиях возможности подлинно христианского существования». И далее Бальтазар делает удивительное наблюдение: «Начиная с Данте и вплоть

до сегодняшнего дня всякое богословие, оставившее свой след в истории, шло по этому пути. Для него само-го эта рефлексия раскладывается на три составляющие: его собственная личность, его собственная судьба и его собственный эрос. Вот три исключительно важных вопроса».

Богословие и поэтика Данте действительно построены на личностном основании. Здесь и корни итальянского гуманизма, и корни будущего европейского персонализма, и многого другого. Но, что удивительней, как показывает Бальтазар, у Данте впервые в истории христианского богословия на первый план выходит тема личной судьбоносной любви. Именно земная любовь возносит Данте на небесные высоты: «Беатриче взирает на Бога, в ее глазах отражается небо, Данте же смотрит-ся в это зеркало и чувствует, как его уносит ввысь». И, как пишет Бальтазар, «эта любовь, зародившаяся на земле между двумя людьми, на пути к Богу не отрицается, не оставляется позади, не приносится, как это доселе было обычной и само собой разумеющейся практикой, в жертву на алтаре *via negativa*, но, пусть преображенная и очищенная, тем не менее забирается с собой и возлагается прямо к стопам Бога».

Но идя на зов любви, поэт проходит прежде все круги ада и чистилища, и лишь после этого в сопровождении своей возлюбленной подходит к воротам рая.

Бальтазар совсем не случайно обращается к Данте, это не просто общекультурный интерес или дань его широкой эрудиции, у Данте он видит то, что вдохновляет его самого, а, возможно, именно чтение великого итальянца и подвигло идти в том направлении, в котором движется мысль швейцарского богослова. И потому

Данте оказывается не просто актуальным для сегодняшнего дня, но определенным образом воспринимается во многом как предшественник Бальтазара, как исток его собственной системы: «Рай начинается с прославления “того, кто движет мирозданье” и заканчивается тем же движением мироздания, которое на сей раз приписывается Амору. Тем самым богословие Данте (как едва ли могло быть какое-то иное) устроено как богословие славы. Свечение звезд, неслышная музыка, производимая вечной гармонией их кругового движения, разжигает в сердце тоску о Боге».

И еще важно отметить: через Данте Бальтазар поднимает те вопросы, которые по сей день не решены христианским богословием. Это, прежде всего, вопрос о теодицее, о существовании в мире зла, о божественной справедливости и милосердии. Все эти вопросы с новой силой были поставлены XX веком с его катастрофической историей. Столь же остро они стояли и в XIV веке. И Данте пытался найти на них ответы. Для Бальтазара Данте становится Вергилием в мир теоэстетики, где на пути к красоте мы неизбежно встречаем безобразие и уродство, дисгармонию и ужас, и прочее, прочее. И неизбежно возникает вопрос: «Если богословская эстетика Данте фактически построена на отождествлении *amor* и *bellezza*⁶, то как тогда вообще можно представить себе поэзию, воспевающую ад?» И тут же Бальтазар отвечает: «Предварительно следует сказать, что она эстетически возможна лишь в том случае, если – и в той мере, насколько – она возможна богословски (т.е. может быть оправдана эросом), и потому эстетика должна поставить ее под вопрос в той мере, в какой она представляет собой про-

⁶ Любовь и красота (итал.).

блему для богословия».

Бальтазар напоминает, что Августин тоже ставил эти вопросы и пытался встроить вечный ад в эстетическую модель оправдания творения: мир, как он писал, – «прекраснейшая песнь» (*pulcherrimum carmen*), украшенная антитезами добра и зла, света и тьмы. Но для Августина важен не человек, а порядок, или, скорее, только то в человеке, что подтверждает этот порядок. Для Данте же важен человек, и это переворачивает всю средневековую схему, делая его взгляд совершенно современным. «Путешествие Данте в ад становится пробным камнем для всей христианской теодицеи, унаследованной от античности», – пишет Бальтазар. Именно сострадание, которое Данте испытывает к грешникам, получившим, казалось бы, вполне заслуженное наказание за свои грехи и преступления, отличает его поэму от прежних, да и будущих видений и загробных путешествий. «Его задача, – считает Бальтазар, – пролить вечный свет на то, что временно, взвесить человеческую судьбу на чаше весов вечности, дать полную, отчетливую форму тому, что на земле остается неясным, недостаточным и неопределенным, – форму полного соответствия, которую Бог дарует судом и благодатью».

Итак, Бальтазар в этих нескольких главах совершает путешествие в мир Данте, и вместе с великим итальянским поэтом швейцарский богослов подходит к вратам славы Божьей.

«Некоторые исследователи называют “Божественную комедию” пятым Евангелием, другие – последней книгой Библии. Очевидно, что перед нами произведение искусства, которое по степени раскрытия тайны жизни, загадки человека, тайны Бога (Тайны всеобъемлющей) достигает невиданных высот: Данте создал самое гениальное

литературное (и в определенном смысле мистическое) произведение, описывающее историю человечества»⁷. Так пишет о Данте современный итальянский исследователь Франко Нембрини. Думаю, Бальтазар с ним вполне согласен.

Ирина Языкова,
искусствовед, кандидат культурологии,
проректор ББИ

---

⁷ Франко Нембрини, *Данте, поэт желания. Комментарии к «Божественной комедии»*. Т. 1: «Ад», Киев: Дух и літера, 2014, с. 27.